

Эстонское общество было всегда очень открытым

Автор – Калев Кескюла

Перевод – Инны Теплицкой

Дагмар Нормет рассказывает Калеву Кескюла о жизни эстонских евреев и других жителей Эстонии в годы Эстонской республики (1919-1940).

Каким был в детстве Ваш первый язык? На каком языке Вы думали в детстве?

Трудно сказать. Дома говорили на двух языках – русском и эстонском. На эстонском больше говорили с воспитательницей и кухаркой. Когда мне было 3 года, у меня появилась немецкая гувернантка. Однажды я проснулась после дневного сна, и дома оказалась только одна чужая тетя, которая говорила на незнакомом языке. Это был шок. В интеллигентных семьях было принято учить детей немецкому языку с трехлетнего возраста. С тетей Анной ходили гулять в Олений парк, тогда его называли Садам общества немецких садоводов (Vereinsgarten). Мы там играли с эстонскими, еврейскими и русскими детьми, которых приводили немецкие гувернантки. Моя казалась мне старой теткой – ей было 24 года.

Домашний язык был сначала русский, а с появлением тети Анны – немецкий, т.к. она с нами обедала и со всеми разговаривала по-немецки. Меня отдали в немецкую школу.

Свои первые стихи и пьесы я писала на немецком языке. Одну из пьес мы сыграли в 5 классе перед Пасхой.

Каково происхождение Ваших родителей?

Отец был из семьи варшавских евреев, но дед, стремившийся дать своим детям хорошее образование, послал сыновей в Петербургский университет, считавшийся одним из лучших. Дальше отец со своим младшим братом учились в Сорбонне, в Париже, а окончили университет в Льеже. Государственные экзамены пришлось сдавать в Петербурге, когда началась Октябрьская революция.

Мама родилась в Таллине, дом, в котором она жила находится в конце улицы Лай наискосок от покрашенного в розовый цвет каменного дома. Мама училась в гимназии Беляевской, находившейся в начале Нарва мantee. На лето мы переезжали в деревянный дом с резьбой в Кадриорге на ул. Мьяекалда.

Ваш отец был во время войны в России, а как сложилась судьба матери?

Когда началась война я была в студенческом спортивном лагере в Нарва-Йыесуу. Мама туда позвонила, но я в это время кокетничала с юношами в парке. Мама жила тогда со своим новым мужем в Риге. Когда туда пришли немцы, всех евреев согнали в гетто. Спать разрешали уходить домой, а днем надо было идти работать. В августе домой уже не отпускали. В начале сентября латвийских евреев убили. Я даже не знаю, где мама похоронена. То, что она осталась в Риге, стоило ей жизни. Из Таллина же желающие могли эвакуироваться.

Почему же все-таки все эстонские евреи не бежали?

Интеллигенция думала, что народ, который породил Бетховена, Гете и Шиллера, не способен на подобное... К примеру, школьная подруга моей сводной сестры, Рут Рубин, очень славная девочка, хотела уехать в Россию. Ее родители, владельцы часовой мастерской на улице Виру, были категорически против.

Если бы не было массовой депортации 14 июня, когда выслали много ранее состоятельных семей, желающих добровольно уехать было бы больше. Но страшные дела коммунистов, аресты, национализации, ссылки, уплотнение жильцов квартир, свежи были в памяти. Что же мы поедem к коммунистам, немцы – культурный народ. Настояв на том, что семья останется в Таллине, отец Рути отдал одному из своих работников все свое имущество, в том числе золото, чтобы тот надежно спрятал девочку. Семья этого сотрудника жила недалеко от Хийу. Там же какое-то время пряталась Рут, когда ее родители были уже убиты. Но потом ее схватили, не знаю, может быть, донес кто-то из соседей. Ее судьба оказалась очень печальной – ее, 14-летнюю девочку, арестовали, пытали и потом убили.

Было несколько случаев, когда половина семьи с большим скандалом уезжала (отъезжающим даже не давали с собой никаких вещей), а половина оставалась. Молодые, в отличие от старших, хотели уехать.

Было ли ясно, чего ждать от немцев?

Мы из газет кое-что узнавали. И вот интеллигенция осталась, и все погибли. Я обязана жизнью декану своего факультета Герберту Нийлеру. Он категорически настоял на моем отъезде. Мой друг Пееп Коорт не смог бы меня никуда спрятать, т.к. немцы его арестовали. Позже ему удалось сбежать на лодке в Финляндию, а оттуда в Швецию. Он стал профессором в университете Упсала.

Отъезд из Эстонии был для меня трагедией, т.к. вся моя жизнь проходила и была связана с этой страной. Это был для меня конец света. Покидая Эстонию, я не могла тогда представить, что через 60 лет окажусь снова в своей комнате в Таллине.

Вы пишете в своей книге, что придерживались левых и демократических взглядов. Каким Вы помните переворот 1940 года?

Помню, что стоя перед домом, в котором жили на Нарва мantee, смотрели 21 июня на проходящую демонстрацию. В ней участвовали собранные в порту рабочие и кто знает, какие еще люди, и среди них несколько знакомых нам интеллектуалов. Они двигались к Кадриоргу, к Пятсу, президенту Эстонии.

Идеи, конечно, зачаровывали: старые революционные песни, Марсельеза, и вера в то, что теперь настанет равенство, и все смогут учиться независимо от материальных возможностей.

Вы сами жили в Эстонии как представители высшего общества, в шестикомнатной квартире в современном доме.

Я бы сказала, мы – средний класс. Неравенство меня всегда волновало, некоторые мои одноклассники были очень бедны. Мое чувство справедливости бело задето, и я была полна духом протеста. Я была революционная девочка с душой борца. Я не боялась говорить учителям в лицо то, что я думаю.

Существовали ли в Вашей семье экономические трудности?

Когда я родилась, их уже не было. Но во время Октябрьской революции и Гражданской войны в России молодая семья моих родителей испытывала лишения. Для того, чтобы получить продуктовый паек, мама выступала с сольными танцами в военном госпитале.

Когда отец приехал в Эстонию, он сначала не знал эстонского языка и не смог работать юристом. На задворках Балтийского вокзала у него был небольшой склад строительных материалов.

Отец быстро выучил эстонский язык?

Я не знаю, изучал ли он его когда-нибудь систематически. Но ему же надо было общаться со своими рабочими, поэтому язык был необходим. С тех пор, как я его помню, у него с языком проблем не было.

Вам хорошо давались все иностранные языки – эстонский, русский, немецкий...

Когда я немного подросла, ко мне приходила и французская мадам. Так что окончив Английский колледж, я владела пятью языками, плюс еще латынь, которую преподавал Эрнст Нурм. Английский колледж среди моих школ был самым прогрессивным – смешанное обучение, молодые преподаватели и какая-то открытость миру.

Чем профессионально занимались евреи Таллина?

Очень ценились врачи, например, отоларинголог д-р Тух, педиатр д-р Блумберг, дерматолог д-р Шварц. Было много преуспевающих адвокатов и музыкантов. На улице Виру были две часовые мастерские – Рубины и Марковичи, также магазин одежды Гуткиных.

Я думала, что на моем поколении еврейская этническая группа в Таллине заканчивается, т.к. среди моих сверстников заключалось много смешанных браков.

С какими общественными слоями была связана Ваша семья?

Эти слои были очень разные. Лучшей подругой мамы была Эмилия Мартна, невестка известного социал-демократа. Затем д-р Буш, немец. Родители говорили, что он не начинал оперировать, пока не опрокидывал в себя рюмку вина или коньяка. Иногда родители ходили с ним в варьете на Ратушной площади (позднее там был ресторан «Вана Тоомас»). К нам приходили разные гости – эстонцы, евреи, русские, немцы. После революции также приехали люди разных национальностей.

Быть евреем тогда не было чем-то особенным?

Появление крокодила в Пирита тоже не было бы чем-то особенным. Ортодоксальные евреи держались отдельно от других, но наша семья в синагогу не ходила.

Эстонское общество было очень открытым. Меня очень беспокоит дискуссия о том, должны ли к 2007 году все русские школы перейти на эстонский язык. В мое моему сердцу время, до 1940 года только в Таллине было 7 немецких школ, русские школы, шведская школа, еврейская гимназия с двумя отделениями, где обучение велось на иврите и идише. В Эстонии с 1926 года существовал закон о культурной автономии живущих в стране народов, который предоставлял возможность обучения на родном языке, доступ к культуре. Национальные меньшинства принимались как

равноправные. В эстонских школах обязательным было утреннее богослужение, но от него освобождались дети из семей, придерживающихся другой веры – католики, евреи.

Конечно, знание всеми эстонского языка было естественным, как естественным было и то, что эстонцы владели русским и немецким языками. Например, при приеме на работу в газету требовалось знание трех языков. Языками должны были владеть все продавцы, полицейские, все, кто занимался обслуживанием людей. В кинотеатрах полэкрана занимали субтитры на трех языках.

Вторая жена Вашего отца Хельги Тынсон в свое время была очень модная дама...

Она была окружена поклонниками и друзьями. Они интересовались самыми модными тогда мыслителями – Ницше, Фрейдом, Адлером, Юнгом. Ее окружение было прогрессивным. Для нас она была идеалом.

Он же интересовался философией, особенно буддизмом, читал французскую историю и труды русского адвоката А.Кони. В советское время папа работал в госбанке, позднее – юрисконсультантом.

Каким образом Вы, умная девочка, пошли учиться физкультуре?

Конечно, я это сделала из-за Эрнста Идла. Он был фантастической, очень харизматичной личностью, настоящим гением своего времени. Каждый час, проведенный с ним, был похож на общение с Богом. После побега из Эстонии он стал в 1944 году всемирно известным. В Швеции на церемонии открытия его института присутствовала королевская семья. Его система позволяла с помощью физической культуры освободить молодого человека от комплексов и подарить ему радость движения и веру в себя. Его ученики были как члены братства, мы все служили одной идее. Если бы не вмешалась война, я стала бы последователем Идла. По его совету я поступила в институт физкультуры в Стокгольме. Было лето 1940 года, мне сказали, что если я уеду, то вернуться в Швецию уже не смогу. Я же считала, что вне Эстонии для меня жизнь невозможна.

Вы не жалеете, что не остались в свое время в Стокгольме?

Нет, совершенно не жалею. Я бы там связала свою жизнь только с плаванием. Но я всегда хотела писать. В детстве я постоянно вела дневник. Бывало, что я не ходила в школу, чтобы писать что-то, и не думала даже у учителей отпрашиваться, просто говорила, что писала. В Английском колледже я всегда находила понимание.

Выйдет ли в свет следующая книга?

Я и не думала о ней, но была изумлена реакцией читателей на уже вышедшую книгу. Совершенно чужие люди благодарили меня на улице и спрашивали, что же случилось дальше. Поэтому я начала писать следующую книгу, посвященную эвакуации в Россию во время войны. Об этом мало написано, на самом деле этот мир почти неизвестен. В Центральном институте физкультуры в Москве было полсотни эстонских спортсменов, все эти знаменитые Крее, Коткас, Пийсанг. Нашлась возможность спасти этих мальчиков из рабочих лагерей, привезти их в Москву, накормить и одеть.

Новую книгу начну с того, что 16 суток ехала в теплушке в эвакуацию, но позже в Москве наступили более радостные времена.

Дагмар Нормет (родилась в 1921 году в Таллине, до 1940 года – Рубинштейн), детский писатель. До 1956 года работала учителем физкультуры, затем – человек свободной профессии. Для взрослых написала киносценарии, либретто к операм и редактировала сборник «Эрнст Идла – волшебник из Таллина». Написала книгу воспоминаний «Открывающиеся двери». Она знакомит читателей с жизнью еврейской интеллигенции Таллина, которая воспитывала детей в духе интернационализма. Рассказано о немецкой начальной школе и Английском колледже, где училась Д.Нормет, о представителях разных слоев общества, с которыми она встречалась. Кончается книга эвакуацией автора в Россию в 1941 году. Готовится вторая часть воспоминаний.